

Представления евразийцев о развитии советского государства в годы НЭПа

DOI 10.22394/1726-1139-2018-1-63-69

Саблина Юлия Валерьевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Ведущий специалист факультета экономики и финансов
sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье показана деятельность общественно-политического движения российской эмиграции — евразийцев, которые стремились не только понять и осмыслить советскую форму государства, но и повлиять на развитие государственного строительства в советской России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

евразийство, демонизм, советское государство, церковь, партия

Sablina Yu. V.

Presentation of Eurasians on the Development of the Soviet State in the Years of NEP

Sablina Yuliya Valerievna

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
North-West Institute of Management (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Lead specialist of the Faculty of Economy and Finance
sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article shows the activity of the social and political movement of the Russian emigration — Eurasians, who sought not only to understand and comprehend the Soviet form of the state, but also to influence the development of state building in Soviet Russia.

KEYWORDS

Eurasianism, demonism, Soviet state, church, party

В СССР в годы НЭПа (1921–1928 гг.) сложились благоприятные политические условия для апробации политических и экономических устремлений демократической оппозиции. В этот период были разработаны Уголовный кодекс, Кодекс законов о труде, выдвинута идея гражданского мира, амнистирована белая эмиграция. Государственной властью обладали некоторые руководители правого крыла ВКП(б): А. И. Рыков возглавлял правительство, тогда как Ф. Э. Дзержинский — ВСХТ, которые в определенной мере могли формировать внутривластный курс большевистской России.

Нельзя обойти вниманием и то, что принятая в 1924 г. Конституция СССР провозгласила Верховным органом власти СССР съезд Советов, регламентировала его статус, статус ЦИК и СНК. Были разграничены области функционирования органов РКП(б) и иных советских структур.

В это время в странах Европы происходит активизация русской эмиграции, вызванная некоторыми надеждами на то, что политический режим в Советской России будет достаточно демократизирован. Среди русского зарубежья начало фор-

мироваться евразийство, одно из востребованных идейно-политических и общественных течений. Основателями движения евразийцев можно считать экономиста П. Н. Савицкого, этнолога Н. С. Трубецкого, а также искусствоведа П. П. Сувчинского. Другие представители евразийского учения: Н. А. Алексеев Г. Флоровский, М. В. Шахматов внесли значительный вклад в рассматриваемое общественно-политическое движение.

В 1922 г. в Берлине начали издавать евразийский сборник под названием «На путях». В 1923 г. же стало выходить периодическое издание под названием «Россия и латинство». Исследования в области истории представители течения евразийства направляли на рассмотрение вопроса возможности демократического реформирования государства с советской формой правления. Данный вопрос в основном и был предметом обсуждения периодических изданий евразийцев.

В 1923 г. при участии и финансовой помощи миллионера-востоковеда из Великобритании Б. Сполдинга учреждается книгоиздательство евразийцев, кроме того, выпускается альманах под названием «Евразийский временник», в 1925 и 1927 гг. были выпущены второй и третий номера альманаха соответственно.

Также необходимо отметить, что в 1925 г. все так же в Берлине были выпущены пять номеров журнала «Евразийская хроника». Следующие его выпуски по двенадцатый включительно издавались уже в Париже вплоть по 1927 г. одновременно с «Временником». Важно упомянуть и о том, что вышли более чем 30 выпусков газеты «Евразия», которые публиковались там же с 1928 г. по 7 сентября 1929 г. [3, с. 56].

Организационное оформление движения евразийцев произошло в конце 1924 г. в Вене, на совещании, когда был создан руководящий орган евразийцев — Высший Евразийский Совет, главой которого избрали князя Н. С. Трубецкого. Заместителями в Совет вошли руководители евразийских филиалов в иных странах: В. А. Стороженко (Белград, Югославия), П. Н. Савицкий (Прага, Чехословакия), П. Н. Малевский-Малевиц (Лондон, Великобритания — Нью-Йорк, США), П. С. Арапов (Берлин, Германия) и П. П. Сувчинский (центральный филиал — Париж, Франция). А также В. А. Пейль (Кохтла-Ярве, Эстония) и С. С. Малевский-Малевиц (Брюссель, Бельгия) [4, с. 101].

В основу учения евразийцев легли следующие идеи:

- 1) утверждались особые пути развития России как части Евразии;
- 2) обосновывались идеалы, долженствующие базироваться на православной основе;
- 3) высказывалось положение о культуре как «симфонической личности»¹;
- 4) признавалась необходимость такого государственного устройства, которое бы обеспечило развитие России-Евразии по пути к ее идеалам.

Вожди евразийства говорили: «наряду с отрицательными сторонами революции... евразийцы видят положительную сторону в открываемых революцией возможностях освобождения России-Евразии из-под гнета культуры Европы». Одной из главных задач революции евразийцы считали восстановление своеобразия мира Евразии и установление соответствия между сознанием правящей и интеллектуальной верхушки России-Евразии согласно условиям окружающей обстановки. Данное положение имело важнейшее значение в определении направления, в котором евразийцам следовало развивать и преобразовывать существовавший на тот исторический момент строй СССР.

В своем первом документе «Евразийство: опыт систематического изложения», опубликованном в 1926 г. в Париже, затрагиваются вопросы идеологии как основы

¹ Разработка понятия принадлежит Л. П. Карсавину, который не только культуру, но и весь мир рассматривал как иерархическое единство симфонических личностей различного порядка (семья, социальная группа, народ, культура).

любого движения жизни и вытекающие из этого положения четкие задачи, объединенные системой либо программой. Причем, они обязаны быть обусловлены конкретной исторической обстановкой.

Но самое интересное и убедительное положение, которое затрагивает данный документ, это сделанный вывод о коммунистической идеологии.

Согласно данному положению, идеология коммунизма, безусловно, губительна, причем может увлечь за собой в могилу истории все многообразие социалистических идеологий в целом.

Гибель же эта значит смерть и партии большевиков, ведь в основе последней как раз обусловленные идеологией организация, пафос, энергия. Однако гибель партии большевиков при отсутствии соответствующей замены представляет собой серьезную опасность как для новых государственных форм, так и для функционирования и развития в нормальном ключе уже самой Евразии-России. Причем, опасность не заключается исключительно в том, что Россия подвергнется новым потрясениям, но также и в том, что жесткое напряжение революционных лет окажется малоэффективным.

Вопрос возможности предотвращения, пусть частичного, данных опасностей, угрожающих России, либо ожидание того, что мудрость и силы творчества, собственные россиянам, смогут преодолеть угрозы — центральный вопрос в данном свете для евразийцев.

Одновременно они все же выказывают идеи не пассивного ожидания, но активных поисков истинного выхода из возможной негативной для государства ситуации.

Таким образом, евразийцы приходят к пониманию необходимости разработки новой идеологии, причем, носителем оной обязана выступать новая партия, такая же сплоченная и одушевленная, как партия большевиков на первых этапах ее деятельности.

В течение короткого промежутка времени евразийство перешло из историко-философского в идеологическое течение, а затем, по существу, трансформировалось в некое подобие политической партии: «Мысля новую партию, как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партии совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она — партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она — государственно-идеологический союз... Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем, глубокой идеологии; но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики... Если мы называем новую партию (союз) возможной наследницей большевистской и с большевистской ее сопоставляем, мы имеем в виду форму и структуру, а не содержание ее идеологии. Коммунистической идеологии противопоставляется принципиально иная — сознательно религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская».

То есть, уже в 1926 г. евразийцы предугадывали о тех социально-экономических и политических преобразованиях, которые произойдут в России в период горбачевской перестройки.

Во втором программном документе движения, так и названном, «Евразийство» (согласно формулировке 1927 г.), говорится, что Россия есть особый мир, чьи судьбы отделены от Европы (стран западнее ее), а также Азии (соответственно, южнее и восточнее). Данный мир нужно обозначать как Евразия. Люди и народы Евразии способны достигнуть высшей формы взаимопонимания и братского существования, которые недоступны народам Азии и Европы. Территориально СССР тех лет и был главным ядром мира Евразии.

Однако евразийцы предстают противниками коммунизма.

Объясняется это следующим образом: в результате революции в России политическая власть во всей полноте досталась партии коммунистов, которая суть строго дисциплинированная, организованная группа, которая вполне являет собой соответствие условиям и положению России-Евразии. Ведь этот мир находится в окружении часто враждебных государств, причем с огромной по протяженности сухопутной границей, что создает проблемы с ее защитой. Также отмечаются немалые экономические сложности, что подразумевает, в первую очередь, гигантские расстояния и суровую зиму. Все вместе подразумевает возможность существования подобного государства лишь при условии жесткой, сильной власти, которая принудит население принять соответствующие экономические, военные и социальные реформы.

Евразийцы отказывают в подобной силе предреволюционной императорской власти. В современных им условиях евразийцы видят, как наиболее отвечающую потребностям российской действительности, правление власти сплоченной, строго дисциплинированной организованной группы.

Но власть подобной группы можно оправдать, увидеть в ней смысл лишь тогда, когда она в своей организованной правительственной деятельности приносит удовлетворение потребностям всего народа, то есть в своих устремлениях сливается с волей народа, есть выражение ее. Подобный государственный порядок евразийцы называют демоническим и являются ярыми его сторонниками.

Но коммунистическая партия, по мнению евразийцев (в отличие от многих иных иммигрантов) вовсе не демоническая. Все дело в антихозяиственности и атеизме, которые являют собой яркое противоречие духовным основам, провозглашенным евразистами для жителей России-Евразии [5, с. 23].

Таким образом, система страны Советов для евразийских мыслителей лишь база для государственного режима демонизма, так как политическая воля правящей монополю партии РКП(б), а также классов-гегемонов смогла подчинить всех жителей Советской России, заставить их двигаться согласно представленной общей национальной идее, которая есть и государственная, ибо национальность лишается какого-либо значения. Но социально-классовый порядок многоуровневых выборов депутатов в Советы явно коррелировал с демоническим делегированием [6].

И тут необходимо вспомнить, что в марте 1990 г. на Третьем съезде народных депутатов СССР, подавляющим большинством голосов депутатов, ст. 6 Конституции СССР, регламентирующая руководящую роль КПСС в государстве, была отменена, и в стране стала преобладать многопартийность.

Свою историческую миссию в строительстве Новой России евразийцы видели «во включении происшедшего в революции — в рамки русской и евразийской исторической традиции». Вместе с другими участниками пореволюционных течений евразийцы приняли революцию как неизбежный ход русской истории. «Верьте, что революция, — писал Чхеидзе С. И. Чуеву, — не могла бы осуществиться, если бы уже давно не были подорваны главные устои духовной жизни России. Ведь самые верхи общества — говорю о духовных верхах — уже сознавали, что старая вера, старая правда отошли от нас. И мы им уже не доверяем... И собственно говоря, с этой точки зрения — русская революция и есть мощное и даже страшное искание правды целым народом» [1, с. 205].

Тот же Чхеидзе писал: «В соответствии с возникшим на Западе замыслом «социалистической революции», она, в своем острейшем выражении (диктатура пролетариата), являлась ничем иным, как победой городских «низов» над городскими «верхами» (рабочие победили капиталистов). Однако особенность победы русского пролетариата состояла (и еще состоит!) в том, что в ней поставлена проблема сочетания интересов городского пролетариата с интересами «земли» — крестьян-

ства. Русская революция впервые ставит вопрос о сочетании труда на земле и вне земли, притом — организованно-целесообразном их сочетании» [1, с. 206].

В евразийской программе 1927 г. одним из важных предложений было внесение в конституционный строй Советской России начал «религиозности».

То есть крайне важно, чтобы государственная власть относилась положительно и помогала каждой вере, которую исповедуют народы России-Евразии, понимая, что лишь вера может быть основой социальных отношений, которые проникнуты духом любви и неуклонным хранением человеческого достоинства.

Но содействие государства вере ни в коем разе не должно превращаться в зависимость Церкви как религиозных объединений от государства или государства от Церкви. Религия и государство объединяют и организуют каждая особую (хотя и связанную с другой) область человеческой жизни. Между ними должны установиться лично-духовные связи в форме личной религиозности представителей власти (их благочестия) и внимательного отношения с их стороны к голосу религии, а также в форме лояльного отношения к государству представителей религии и преподавания последними благословения тем начинаниям государства, которые церковь одобряет. Но между религией и государством не может и не должно быть государственно-правовых отношений либо хотя бы финансовых связей. Именно для того, чтобы представители Церкви имели возможность выполнять выпадающую на их долю роль народной совести, Церковь обязана иметь самостоятельный бюджет, который независим от средств государства. Для этого религиозным объединениям должны быть предоставлены все права и возложены на них обязанности юридических лиц.

В области религиозной никакое принуждение недопустимо. Священнослужители, пастыри, иерархи и представители религиозных объединений избираются в соответствии с установлениями каждой религии, верующим народом из числа лиц, почитаемых им к тому достойными; государство воздерживается от вмешательства в дела религии.

Положение, регулирующее, в соответствии с изложенным, существование религиозных объединений в пределах государства, издается в порядке одностороннего акта государства, так как Церковь по природе своей не может вступать ни в какие государственно-правовые соглашения или договоры с государством.

Кроме того, предлагаемая евразийцами конструкция государственного строя России, предложенная в программе, была идентична закреплённому Конституцией 1924 г. государственному строю Союза ССР. Копировались названия, структура высших и местных органов власти. Поскольку демонизм был задуман как авторитарный строй, то евразийцы предлагали в перерыве между заседаниями ЦИК Союза передавать всю полноту власти Председателю Президиума ЦИК. Идея индивидуализации высшей государственной власти корреспондируется с консервативной белоэмигрантской идеологией сильной власти и на практике могла привести Россию к единоличной диктатуре. Главной же задачей преобразования государственного строя СССР евразийцы определили революционное устранение коммунистической партии, «замену» ее в «организационно-правительственном значении» Евразийской партией. Таким образом, подлинная идеократия евразийцев заключалась не в смене или кардинальном государственно-политическом реформировании СССР, а в смене правящей партийной элиты [2, с. 45].

Таким образом, в завершение данного исследования можно вывести несколько результирующих положений.

По мнению евразийцев, НЭП 1922–1927 годов показал, что, с одной стороны, людской массив России еще не расстался с привычками и навыками дореволюционного времени (породившими революцию); а с другой — неискренность коммунистической власти и непонимание ею истинных задач и целей идеократического

государства. Тем не менее со стороны формальной НЭП был правильной наметкой, направленной к разрешению проблемы построения государственно-частной системы хозяйства.

Но евразийцы были убежденными антикоммунистами. Они рассматривали победу большевиков как временное явление и были убеждены, что коммунистическая идеология не привьется в России ввиду ее классовой и атеистической направленности. В коммунизме они видели злую и антихристианскую силу, которую нужно преодолеть, а приход к власти большевиков воспринимали как национальную трагедию. П. Н. Савицкий так и отзывался о коммунизме в статье «Подданство идеи», опубликованной в первом выпуске «Евразийского временника»: «на упоре сатанинской и злой, но огромной идеи коммунизма».

В этих условиях группа опальных философов и ученых, противников демократии и революции — среди которых многие были аристократами, но при этом понимали все недостатки предыдущего строя и не верили в реванш, да и не хотели его, — стала разрабатывать теорию совершенного государства, где власть принадлежала бы элите, знающей божественные первопринципы. При этом сторонников для воплощения своих проектов в жизнь они искали... в среде самих тиранов.

К сожалению, образцы подобной утопии после идей евразийцев и иных утопистов XX в. остались лишь в хорошей советской фантастике (К. Булычев, И. Ефремов, братья Стругацкие...). Сегодня в утопии не верят. Бешеный оскал глобализации, безумные мировые политические игрища, бездушная цивилизация потребительства — все это лишило людей последних иллюзий.

Украинский кризис последних лет лишь в очередной раз доказал, что люди все так же глупы и озлоблены, как и тысячелетия назад. Крепкая власть, как предлагали евразийцы, возможно и смогла бы исправить положение. Духовные скрепы же, когда их восстановили и облекли теми правами, на которые рассчитывали евразийцы, не смогли пока переменить менталитет жителей Евразии-России. Более того, было показано, как за десятилетие нищеты, беспредела и бездействия властей тот же советский менталитет вдруг был сменен только жадой нажиться (или хотя бы просто выжить).

Идеи евразийцев времен НЭПа, по большей части, простое желание власти. Завернутое в красивый фантик. Евразия-Россия как мир. Во главе с ними. Не вышло. Однако евразийское учение не исчезло бесследно. Интерес к нему актуализировался в последние десятилетия — об этом свидетельствуют как идейные искания неоевразийцев¹, так и политическая практика России и Казахстана, активно проводящих политику евразийства.

Литература

1. Вахитов Р. Р. Евразийцы и Платон: от тирании к «аристократии духа» // Платоновские исследования. 2016. № 1 (4). С. 201–210.
2. Галас М. Л. Идеократические государственные концепции постреволюционных течений российской эмиграции // Теория государства и права. 2008. № 14. С. 43–49.
3. Галас М. Л. Советское государство в России периода НЭПа в исторических исследованиях представителей евразийства и сменовеховцев // История государства и права. 2015. № 21. С. 55–61.
4. Макаров В. Г., Репников А. В. Как возникло евразийство // Россия XXI. 2008. № 5. С. 98–127.
5. Мармونتова Т. В. Евразийская идея — от теории к практике воплощения // Современные евразийские исследования. 2015. № 2. С. 21–26.
6. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М. : Антология, 1993. С. 217–310.

¹ См. работы А. Г. Дугина — лидера Международного Евразийского движения.

References

1. Vakhitov R.R. Eurasians and Platon: from tyranny to "the aristocracy of spirit" // Platon researches [Platonovskie issledovaniya]. 2016. N 1(4). P. 201–210. (in rus)
2. Gallas M.L. Ideocratic state concepts of post-revolutionary courses of the Russian emigration // Theory of the state and law [Teoriya gosudarstva i prava]. 2008. N 14. P. 43–49. (in rus)
3. Gallas M.L. The Soviet state in Russia of the period of the New Economic Policy in historical researches of representatives of eurasianism and Smenovekhovsky // History of state and law [Istoriya gosudarstva i prava]. 2015. N 21. P. 55–61. (in rus)
4. Makarov V.G., Repnikov A.V. How eurasianism appeared // Russia XXI [Rossiya XXI]. 2008. N 5. P. 98–127. (in rus)
5. Marmontova T.V. The Euroasian idea — from the theory to practice of the embodiment // Modern Eurasian researches [Sovremennye evraziiskie issledovaniya]. 2015. N 2. P. 21–26. (in rus)
6. Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. M. : Anthology, 1993. P. 217–310. (in rus)